

Линь Суйци напрягся: кровь во всем теле словно застыла, голова гудела.

Слова Цзян Хунъюя ледяным мечом, разбили последнюю надежду в его сердце.

Его губы дрогнули, он услышал свой дрожащий голос:

- Я не понимаю, о чем ты говоришь... Я... Цзян Лэ что-то сказал? Я ничего не сделал. Я, нас действительно похитили, я спас его...

Бессвязно объяснял Линь Суйци.

- Линь Суйци, ты знаешь, что ты натворил? - Цзян Хунъюй, казалось, терял терпение.

Он, который всегда был мягким и элегантным, в этот раз холодным тоном прервал слова своего биологического сына о кровном родстве:

- Семья Цзян хорошо к тебе относится, а ты отплачиваешь злом.

В голове Линь Суйци было пусто, хрустальные слезы беззвучно стекали по щекам. Он замер на мгновение, вспомнил что-то, и, задышавшись, начал объяснять:

- Нет... Я не... папа, Цзян Лэ...

Цзян Хунъюй снова перебил его:

- Отныне ты будешь сам по себе.

Линь Суйци распахнул наполненные слезами глаза и уставился на замолчавший телефон. Теплые слезы беззвучно текли по его бледным щекам, пропитывая ткань белой футболки.

«Цзян Лэ - незаконнорожденный, он не сын Чжоу Вэньцянь, это я...» - мысленно добавил он про себя.

- Брат-похититель, позвони моему отцу еще раз, я должен ему кое-что сказать, пожалуйста... - Линь Суйци поднял голову и умоляюще посмотрел на Шрамолицего своими красными, полными слез глазами.

У него было красивое лицо с тонкими и мягкими чертами, без какой-либо агрессии.

Когда он смотрел на кого-нибудь такими заплаканными, как сейчас, глазами, бледный и

хрупкий, легко вызывал сочувствие.

Шрамолицый нетерпеливо нахмурился и сделал еще один звонок, но долгое время никто не отвечал.

Последовал второй и третий, но никто не вышел на связь, а когда был сделан последний звонок, собеседник уже отключился.

Линь Суйци тоже немного остыл за это время.

Шрамолицый, скорчив уродливую рожу, выругался:

- Проклятье. Похоже, сделка провалилась! Так родной ты сын Цзян Хунъюя или нет?

Мужчина яростно пнул Линь Суйци:

- Пусть даже внебрачный, да как так-то!

Линь Суйци, казалось, перестал чувствовать боль и вообще никак не отреагировал.

Его тело начало безудержно дрожать. Слезы неосознанно текли по его щекам. В этих прекрасных глазах что-то постепенно исчезало. В конце концов, остались только пустота и отчаяние.

Как будто пара больших рук проделала дыру в его сердце. И хотя стоял жаркий июль, холодный ветер пронизывал его до костей.

Человек со шрамом все еще ругался, когда вошёл Лысый, дважды пнул Линь Суйци и яростно плюнул.

- Брат Дао, что нам с ним делать?

- Погоди, я выйду позвонить...

Перед ним ходили какие-то неясные фигуры, в ушах звучали неясные голоса, но Линь Суйци не мог расслышать, о чем они говорили. В моей голове гудело.

Он открыл рот и хотел что-то сказать, но в горле, казалось, что-то помешало и он не смог ничего сказать.

Не важно, ничто больше не имеет значения...

- Семья Цзян -

Чжоу Вэньцзянь обняла своего маленького сына с красными от слез глазами, нежно вытерла слезы с его лица:

- Хорошо, Лэлэ, сынок, все в порядке, мама и папа здесь, никто больше тебя не обидит.

- Я просто разочарован и расстроен, - Цзян Лэ втянул носом воздух и подавил рыдания - как брат Суйци мог так поступить: специально найти кого-то, чтобы похитить меня, чтобы одурачить вас всех, он не такой человек... К счастью, я сам перерезал верёвку и сбежал, иначе, мама и папа, он вас обманул бы! Он мне так нравился. Я действительно относился к нему как к брату, как он мог так со мной поступить...

Чжоу Вэньцзянь вздохнула и с некоторым упрёком посмотрела на своего мужа, стоявшего рядом с ней, но в конце концов ничего не сказала.

Она повернулась, чтобы утешить расстроенного сына:

- Лэлэ, чужая душа - потёмки. Ты относишься к нему как к брату, но он маловероятно видит в тебе младшего брата.

- Я ясно дал ему понять, что в будущем в семье Цзян больше нет для него места, - мрачно проговорил Цзян Хуньюй с невозмутимым видом. - Ему не следует появляться в семье Цзян.

Чжоу Вэньцзянь неслышно вздохнула и ничего не сказала.

- Мама и папа, я пойду в ванную умоюсь.

Цзян Хуньюй успокаивающе похлопал сына по плечу и тепло сказал:

- Ступай.

Цзян Лэ поднял руку, чтобы вытереть слезы с лица, встал и направился в ванную.

Он закрыл дверь ванной, открыл кран и ответил на телефонный звонок.

- Господин, что вы собираетесь делать с этим гадёнышом?

В зеркале напротив отразилось красивое лицо Цзян Лэ, на этот раз в нем больше не было печали и огорчения.

- Преподайте ему урок, будьте осторожны, не убивайте его.

<http://bllate.org/book/15162/1339930>